

«У МЕНЯ НЕТ ВРЕМЕНИ ЖИТЬ НЕ СПЕША...»

Весь минувший год популярнейший французский киноактер всячески пытался оградить свою личную жизнь, в которой происходили важные перемены, от расспросов репортеров. Но его старания приводили к обратному результату: слухов и вымыслов вокруг его имени гуляло все больше. И тогда он поступил иначе: распахнул перед прессой двери своего загородного дома — смотрите, спрашивайте... Поэтому интервью, которое мы публикуем, и начиналось с таких сугубо частных, семейных тем. Ну, а потом само собой вошло в более профессиональное русло...

«ПАРИ-МАТЧ», ПАРИЖ.

— БУДУЧИ человеком «у всех на виду», вы, однако, всегда старались свою личную жизнь оберегать, держать в тени. Сегодня же выставляете ее на свет. Чем это объясните?

— Да нет, на свет я ее не выставляю и по-прежнему полагаю, что личное надо хранить только для себя самого и для тех, кого любишь. Нет, этот мой жест — приглашение журналистов к себе в дом — скорее напоминает официальную «презентацию» двух моих самых близких людей, нежели снятие какого-то покрывала тайны. Все знают, что я соединил свою судьбу с этой женщиной, с Розали. Все знают, что она родила мне девочку Аннушку. Сегодня я вам их обеих представляю. Люди настолько подозрительны, что если им не показать ребенка, то они начнут рассказывать, будто у него три глаза вместо двух. Вот я и показываю мою Аннушку, чтоб все видели, какая она у меня красавица. И как сам я этим горд. Все очень просто: мы теперь — счастливая супружеская пара с ребенком.

— Как протекает обычный день Алена Делона-отца?

— Разве может быть обычным день папы маленькой девочки? Для меня теперь самое большое счастье — это смотреть, как просыпается Аннушка, как открывает свои глазенки. Я сгораю от нетерпения увидеть, как она будет расти, взрослеть... Ужасный парадокс: с одной стороны, тороплю время, с другой — боюсь, что оно слишком быстро бежит, приближая меня самого к... старости.

— Как вы познакомились с Розали?

— Это произошло в 1987 году. Я тогда как раз выпустил пластинку своих песен, она называлась «Как в кино». И собирался в турне по Германии для представления этой пластинки. Меня должны были сопровождать хористки. Одна из них заболела. Организаторы гастролей пригласили другую. Но у той в последний момент что-то стряслось. И чтобы нас выручить, она позвонила подруге, которая вообще-то и не пела, и не танцевала, а была просто манекенщицей, и уговорила ее срочно себя заменить. Подруга примчалась на репетицию. Это и была Розали. С тех пор мы с ней уже больше никогда не расставались.

— Вашей дочери исполнился год. А каким было ваше детство?

— Я рос в местечке Бур-ля-Рен. И воспитывался не дома, а у кормилицы, потому что и отец, и мать работали. А потом я остался у нее уже потому, что они развелись. Я никогда не видел родителей вместе. Никогда не видел их общей улыбки, обращенной ко мне. Я рос один — дитя любви и развода. Одиночество было для меня в ту пору почти естественным состоянием, хотя я и не знал тогда ему названия.

— Вы заканчиваете съемки нового фильма — «Возвращение Казановы». Этот персонаж — один из величайших соблазнительщиков, когда-либо существовавших в истории. Что означает лично для вас это понятие — соблазн, обольстительность?

— Прежде всего, быть обольстительным — это совершенно необходимое качество для актера моего амплуа. Если вы им не обладаете, то лучше сразу перекалываться в садовника. И вместе с тем это не есть что-то «сфабрикованное» во мне, всегда готовое сработать. Я абсолютно точно знаю, что ни разу в жизни не соблазнил ни одной женщины (в том смысле, который в это слово вкладывал сам Казанова). Именно женщина всегда решала сама, как себя повести... А каково было оказаться партнершей Делона в «Возвращении Ка-

придется много поехать по миру. Обойдется он безумно дорого.

— Слава, деньги — все это ведь в каком-то смысле означает вседозволенность, отсутствие тормозов. Случалось ли вам иногда испытывать головокружение от сознания, что вы обладаете такими безграничными возможностями?

— Меня никогда не пугали ни большие деньги, ни знаменитость. А если и идет иногда голова кругом, то совсем от другого: от ощущения, что в конечном счете кино, шоу-бизнес — это так мало значит, это лишь картонный домик, воздушный замок. Если и идет голова кругом, то при мысли, что я, возможно, не заслужил всего того, что имею. По моему глубоко убеждению, люди, которые действительно заслуживают великих благ, — это не артисты и не певцы, а те, кто посвящает свою жизнь хорошим

делам, кто действительно творит добро, чаще всего скромно, безымянно. Это такие люди, как мать Тереза, как профессор Каброль. У них — руки от Бога. Они выхаживают, лечат больных... А что я... То, что мне досталось в жизни, это, по-моему, чистая случайность...

— Случайность? Конечно. У меня не было никаких данных для подобной карьеры. Я бросил учебу в 14 лет, ограничившись свидетельством об окончании неполной средней школы, — правда, отметки были хорошие. Пошел учиться на кондитера. Потом записался добровольцем в армию... Я был самым обыкновенным мальчишкой, каких миллионы. С какой стати доброй фее было склоняться надо мной?.. Все юноши, желающие стать актерами, мечтают повстречать режиссера, который их откроет и преобразит их жизнь. Я же ничего подобного не ждал. Кино было для меня чем-то бесконечно чужим. Оно пришло ко мне, а не я к нему. Однажды на улице ко мне подошел человек и спросил, хочу ли я сняться в фильме. Вот и все. Случайность. Но уже потом, вслед за этим действительно произошло чудо: едва очутившись перед камерой, я мгновенно понял, что это занятие — для меня, что это — мое... Вообще-то актер кино — это не профессия, этому нигде

нельзя научиться. Можно научиться профессии театрального актера, это да. А кино — это совсем другое, это ведь «переложение» на пленку самой жизни. И я именно актер кино. Я не играю, а живу перед камерой. Нет, никакого особого призвания я в себе никогда не ощущал. Единственное, что я абсолютно точно знал уже с армии, с Индокитая, куда был направлен воевать, — мне хочется быть самым лучшим. Не важно кем — продавцом газет, чистильщиком обуви в парижском пассаже Лидо. Но непременно лучшим... Когда я вернулся из Индокитая в Париж, я вышел из поезда на Восточном вокзале, у меня не было ничего, кроме одного билета на метро, не на что было даже купить себе пирожок. И — никакого пристанища. О том, чтобы возвращаться в дом к матери и отчиму, не могло даже идти речи... Ничего, ничего у меня тогда не было...

— Делон-гражданин никогда не скрывал своих взглядов (актер — горячий поклонник де Голля и сторонник тех, кто продолжает политику генерала. — Ред.). Как вы оцениваете сегодняшнюю политическую жизнь во Франции?

— Политика становится все более похожей на театральное зрелище, на представление. Политики прибегают к тем же приемам, к той же технике игры, что и актеры. И у них те же самые цели: прославиться, завоевать публику. Но между теми и другими все же есть принципиальное различие. У политиков все идет от головы, а у нас — от сердца. И потому политики... переигрывают, не знают чувства меры. Они превращаются в каких-то дешевых телевизионных клоунов. Стоит их кликнуть на ТВ — они тут как тут, готовы кривляться перед зрителями. Их гонят в дверь, они возвращаются через окно, им плюют в лицо, они продолжают корчить рожи. Никакого чувства приличия... Пустомели, у которых на уме только выборы...

— Ну, а как вам удается заниматься столькими вещами одновременно: сниматься в кино, коллекционировать произведения искусства, быть продюсером и выпускать пластинки?

— Да, мне постоянно твердят: «И что это вы вечно несетесь куда-то как угорелый. Зачем? Живите не спеша, смакуйте жизнь». У меня нет времени жить не спеша... Знаете, я много об этом думал после смерти Ива Монтана. Мы ведь с ним сделаны, по-моему, из одного теста... Монтан никогда не знал покоя, передышек. И умер в самый разгар работы: снимаясь в новом фильме и одновременно готовя свое возвращение на эстраду. Умер стоя, сраженный в один миг. Это смерть, о которой артисту можно только мечтать.

— А вы допускаете такую возможность, что публика однажды охладит к вам и вы уже не будете ее кумиром?

— На меня когда-то большое впечатление произвела песня Шарля Азнавура, где есть такие слова: «Надо уметь вовремя выйти из-за стола». Если я почувствую, что мне пора «выйти из-за стола», потому что публика от меня устала, я выйду. Подайте мне такой знак. Эта профессия уже столько мне дала. Я пережил такие моменты, работал рядом с такими великими актерами — Габен, Вентура... Эти моменты были для меня незабываемыми оттого, что я тогда еще был молодым, а те великие находились где-то наверху. И я смотрел на них снизу вверх. Этих людей уже нет. И то, что было, уже не повторится никогда...



«Все очень просто: мы теперь — счастливая супружеская пара с ребенком».

Фото «Пари-матч», Париж.